

Эрнест Прохоров

От Старта до Финиша

Москва
Издательство АСТ

 АСТРЕЛЬ СПб

2026

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос = Рус)6
П84

Дизайн обложки: Олег Курта

Иллюстрация на обложке: Nika Smile

Прохоров, Эрнест Тигранович.

П84 От старта до финиша / Эрнест Прохоров. — Москва : Издательство АСТ : Астрель-СПб, 2026. — 240 с. — (Быстрее, выше, сильнее).

ISBN 978-5-17-185847-6

Каково это — с самого детства знать, что твое место на обочине? Потому что у тебя нет ног. Потому что, пока твои сверстники ходят в школу, гуляют и развлекаются, ты сидишь дома. Потому что все вокруг смотрят на тебя либо с жалостью, либо с презрением.

Когда что-то не изменить — остается только смириться. Либо... Измениться самому.

Именно это случилось с Шурой Чагиным. В один прекрасный день он решил: хватит. Пора стать сильнее — назло обстоятельствам, сомнениям окружающих и самому себе. Из того, кого не воспринимают всерьез, превратиться в машину для победы.

Шуру ждут долгие и мучительные месяцы тренировок — месяцы пота, боли и борьбы с собой. Но оно того стоит. Ведь на кону медаль Чемпионата мира... А возможно, и более важная победа.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос = Рус)6

ISBN 978-5-17-185847-6

© Прохоров Э. Т., текст, 2026
© ООО «Издательство АСТ», 2026

Посвящается бабушке Светлане
с любовью и навсегда.
И моему тренеру Алексею Никитину
с безмерным уважением

ЧАСТЬ I

Глава I НАЧАЛО ПУТИ

Коридоры центральной московской больницы тонули в зеленоватом свете, лениво отражавшемся в потертом линолеуме. Воздух был густым от запаха хлорки и свежей краски. По коридорам, нарушая тишину, сновали белые халаты и проплывали каталки с больными.

На скамейке замерла молодая семейная пара. Девушка, не глядя на свои пальцы, грызла ногти, оставляя розовые заусенцы. Мужчина, стиснув челюсти, отбивал нервную дробь каблуком ботинка по полу — мелкая дрожь передавалась всему его телу. Они ждали, когда наконец откроется дверь и доктор все разъяснит. Четко и основательно.

Дверь с легким скрипом распахнулась.

— Заходите, — прохрипел мужчина прокуренным голосом.

Пара мгновенно, как по команде, вскочила с места и зашла в просторное, но угнетающее помещение. Оно было погружено в полумрак

из-за плотно закрытых жалюзи; лишь несколько солнечных зайцев пробивались сквозь щели, высвечивая в воздухе медленно кружащиеся пылинки.

В кресле за массивным столом сидел мужчина, скрестив руки на груди. Он выдержал тягучую паузу.

— Увы, хороших новостей нет, — наконец начал он, и слова повисли в душном воздухе.

В комнате стало тихо настолько, что слышался гул трансформатора где-то за стеной.

— Не буду долго тянуть, этим делу не поможешь. Ваш ребенок родился с тяжелой врожденной аномалией. Отсутствуют наружные поверхности обеих стоп и малоберцовые кости. Анализы и УЗИ во время беременности, к сожалению, этого не обнаружили. Сейчас единственный выход — ампутация обеих ног чуть выше колена.

Родители синхронно вздохнули, но ни слова не сорвалось с их губ.

— Знаю, не мое дело, — врач слегка развел руками, изображая искреннее участие, — но чисто по-человечески посоветую. Подумайте о специализированном доме-интернате. Вы молодые, жизнь впереди. У меня есть пара контактов в опеке — помогут с ускоренным оформлением. Хотите?

Мать даже не посмотрела на мужа. Ее взгляд утонул в пятне на столе, а голова закивала часто, почти судорожно. Было видно: это циничное, но простое решение ее зацепило, манило возможностью сбежать от неподъемной ноши.

Супруг же обомлел и тщательно, мучительно обдумывал каждый возможный вариант ответа, перебирая их, как тяжелые камни.

— Нет, — наконец выдал он, и слово прозвучало глухо, но твердо. — Это наш сын. Что бы ни было, мы обязаны его воспитывать. Вместе.

— Ты спятил! — рванувшись вперед, вскрикнула девушка. Ее голос прозвучал резко и болезненно. — У нас нет сил и возможностей с этим справиться!

— Забота о ребенке с инвалидностью — это не прогулка в парке, — продолжил доктор, и в его голосе зазвучало фальшивое сочувствие. — Это каждодневный труд. Вы положите на это всю жизнь, все свои планы. Это ноша, которую, к сожалению, осилить может не каждый.

Врач снова замолчал.

Родители тоже молчали, скованные тишиной, которая давила тяжелее любых слов. Шок от услышанного медленно уходил, уступая место леденящему потоку вопросов. Их сын... навсегда в коляске? Смогут ли они водить его в обычную школу? Как он будет работать? Сможет ли когда-нибудь остаться один, без посторонней помощи? Каждый новый вопрос был острее предыдущего, и ни один не давал надежды на хоть сколько-нибудь утешительный ответ.

* * *

В квартире стояла неподвижная жара. Шура сидел за письменным столом, пытаясь сосредоточиться на домашнем задании

от учителей, которые ходят к нему преподавать на дом. Отец с утра пропадал на работе. Кондиционер, работая на минимуме, лишь гонял по комнате спертый воздух. В отчаянии мальчишка отшвырнул ручку, ловко развернул коляску и подкатил к окну. Распахнутая форточка впустила внутрь волну зноя, а с ней — отзвуки жизни со двора.

На баскетбольной площадке кипела игра. Раздавались азартные крики, стук мяча об асфальт и скрип подошв. Ребята носились, отпрыгивали, взлетая к кольцу. Их тела были послушными и сильными, полными дикой, радостной энергии.

Шуру вовсе не тянуло обратно к скучным формулам. Он замер, прикованный к этому зрелищу. Широко открытыми глазами он следил, как его ровесники выполняют сложные броски в прыжке, отдают хлесткие пасы, резко меняя траекторию движения. И в этот момент, при виде их абсолютной свободы, у парня, лишённого ног, родилась странная, почти кощунственная мысль: «А что, если и мне... заняться спортом?»

Идея была безумной. Он никогда прежде о таком не думал. Спорт и он существовали в параллельных мирах, которые никогда не должны были пересечься.

В прихожей послышался щелчок — ключ повернулся в замке. В квартиру, тяжело дыша, вошел отец. Он, как всегда, заскочил в магазин по дороге домой, потому возвращался с перегруженными сумками.

Шура сидел за кухонным столом, наблюдая, как отец с привычной скоростью рубит овощи, отбивает куриную грудку и наливает на раскаленную сковороду масло, от которого сразу потянуло аппетитным дымком. Парень обхватил голову руками, все еще не в силах выкинуть из головы навязчивую идею.

— Пап... — начал Шура осторожно, глядя на спину отца. — А я могу... стать спортсменом?

— Что? — Отец резко обернулся, зажав нож в руке. Его брови поползли вверх. — Ты не заболел? Голова не кружится?

— В каком смысле? Я серьезно.

— Может, перегрелся? — Отец потянулся, чтобы приложить тыльную сторону ладони ко лбу сына.

— Да нет! Ну, есть же спортсмены-колясочники? Я видел по телевизору.

— Есть. — Отец отвернулся обратно к плите, и его плечи напряглись. — Но почему тебя это вдруг так заинтересовало?

— Просто сегодня смотрел, как во дворе в баскетбол играют. Так здорово...

— И что? — Голос отца стал жестче и суше.

— Может, и мне чем-то таким заняться. Хотя бы попробовать.

— Нет! — отрезал отец, и звук ножа, рубящего зелень, стал громче и злее. — У тебя слабое здоровье, Шура. Сердце. Тебе нельзя.

— Но, пап...

— Нет, Шур, и все. Тема закрыта.

Шура резко откатился от стола и уехал в свою комнату, захлопнув за собой дверь. Он

подъехал к высокому шкафу с запачканной зеркальной дверцей и с силой стянул футболку. Из зеркала на него смотрел тощий парнишка с бледной кожей, покатыми плечами, рыхлым животом и руками, тонкими, как пруттики. Он тяжело вздохнул. Может, отец и прав?

Наверное, это просто блажь. Но мысль, раз зародившись, не желала уходить. Она пустила в его сознании глубокие корни. Шура подкатил к рабочему столу, открыл ноутбук и почти машинально вбил в поиск: «спортсмены-колясочники». На экране всплыли ссылки. И вдруг — кричащий капсом баннер: «Колясочник? Горишь мечтой стать спортсменом? Жми немедленно!»

Он не смог удержаться. Щелкнул по ссылке и попал на ярко оформленную страницу. В шапке крупными буквами было написано: «Гонка для тех, кто смог». Ниже размещался анонс: «Инвалиды? Люди с ограниченными возможностями? Устарелые ярлыки. Если ты готов доказать, что способен на большее, заполняй анкету ниже. Участие в гонке подарит море драйва, а победитель получит полтора миллиона рублей! Наше агентство уже восемь лет помогает особенным людям по всей России проявить себя в гонках на колясках. Невероятные эмоции ждут и участников, и зрителей. Приходи сам, приводи друзей. Вход свободный».

Чуть ниже значились дата, время и место: «22 июня, воскресенье, 9:30.

Автодром „Формулы-1“ Moscow Raceway».

Шура перечитал текст несколько раз. И тогда до него стало медленно доходить: это шанс.

Его шанс. Да, он никогда не занимался спортом, но разве не с этого все начинают?

Странная идея вдруг обрела вес и плотность. Она завладела им. Шура не понимал, почему раньше никогда об этом не думал. Может, был слишком мал. Может, не видел примера для подражания. Но сейчас, в самый неожиданный момент, его вдруг настигла мысль о будущем: впереди взрослая жизнь, а он не знал, какое место в ней займет.

Он сохранил ссылку в закладках. Теперь нужен был план. Главное — тренировки. А для них — специалист. Хороший, опытный. Но кто возьмется за безнадежную на вид задачу под названием «Шура Чагин»? Где такого искать?

Десятки вопросов кружились в голове, не давая покоя.

* * *

Анатолий, учитель физкультуры школы № 1273, закончил последний урок и прошел в свой кабинет. Стены здесь были увешаны грамотами, в отдельном стеклянном шкафчике находились медали и кубки — трофеи его учеников. Когда-то и у самого Толи были большие спортивные амбиции, но карьере перечеркнула тяжелая травма.

Он опустился в кресло, налил из стального термоса крепкого чая и вытащил из контейнера пару бутербродов с цельнозерновым хлебом. Только собрался перекусить, как в дверь постучали. На пороге стоял Гена — его старый

приятель еще со студенческих лет. Анатолий, улыбнувшись, пригласил его войти.

Гена, сутулясь, сел напротив, и завязался неспешный разговор о былом, об институте.

— Знаешь, ты всегда бегал лучше меня, — улыбнулся уставший после тяжелого рабочего дня учитель. — Я даже думал, ты не на тот факультет пошел. Тебе бы на физкультурный.

— Сердцу не прикажешь, — отозвался Геннадий. — Душа к истории лежала.

— Ага... Ты, как я понимаю, не просто так. Дело есть?

Гена был человеком мягким и нерешительным, и его речь всегда пестрела вводными словами.

— Да, собственно... Толя, помощь твоя нужна. Так сказать.

— Говори прямо. В чем дело?

— Помнишь, я как-то говорил про моего сына Шуру?

— Смутно. Давно это было.

— Ему шестнадцать. Ровесник твоей Кати, пожалуй. В общем, как бы это... — Глаза Гены забегали по комнате.

— Не ходи вокруг да около.

— Короче... он захотел спортом заняться. Вдруг.

— Это же прекрасно, — тут же оживился Анатолий.

Гена тяжело вздохнул. Нужно было выкладывать все. Он долго скрывал от знакомых правду о сыне, в какой-то мере стеснялся ее... Стыд съедал его изнутри, ведь справиться с ним он так и не смог.

Анатолий был ошарашен. Он слушал молча, с растущим внутренним напряжением, предчувствуя, к чему все идет. Закончился рассказ именно той просьбой, которой он боялся.

Анатолий долго молчал, ворочая в голове пустоту. Не находилось ни слов, ни решений.

— Не знаю, Ген... — наконец сказал он, растерянно проводя рукой по лицу. — У меня в окружении нет таких специалистов. Это сложная специфика.

— А ты... — Геннадий замолчал, подбирая слова, которые все никак не находились. — Ты сам не мог бы... взять его? Хотя бы посмотреть?

— Я подумаю, — коротко ответил Анатолий.

Это был не отказ. Хотя Геннадий надеялся его услышать, чтобы с чистой совестью поставить жирную точку на дурацкой мечте сына. Мужчины молча пожали друг другу руки, и Геннадий, бормоча что-то невнятное, вышел.

* * *

За ужином Анатолий молча ковырял вилок в уже остывшей картошке. Вероника, его жена, отчитывала Катю за то, что та уткнулась в телефон, не прикасаясь к еде. Анатолий отодвинул тарелку, обхватил голову руками и закрыл глаза.

— Что-то случилось? — мгновенно отреагировала Вероника, сменив гнев на тихую тревогу.

— Да нет, пустяки...

— Не пустяки. Я вижу.

Она смотрела на него с таким бездонным пониманием, что он не выдержал. Как обычно, сломался под этим взглядом.

— Один коллега... старый приятель. У него сын — инвалид. Без ног. Просит, чтобы я его тренировал. Парень, представляешь, спортом заняться хочет.

— Бедный мальчик, — тихо и искренне выдохнула Вероника.

— А я сказал, что подумаю.

Вероника протянула руку через стол и накрыла своей ладонью его сжатый кулак.

— Тебе стоит помочь ему, — сказала она просто. — Добро всегда возвращается.

Анатолий молча кивнул. Он редко бывал в церкви, но в какие-то простые истины верил твердо. Жил по совести. Не проходил мимо, если мог помочь. Даже когда это было неудобно, сложно, в ущерб собственному покою.

В этот вечер он принял решение.

Перед сном он набрал номер Гены. Тот снял трубку не сразу. Анатолий без лишних слов просто сказал, что готов встретиться с мальчиком и посмотреть, что можно сделать. Договорились увидеться завтра, перед первым уроком.

* * *

ФОК — физкультурно-оздоровительный комплекс у школы — был инициативным детищем Анатолия. Именно он когда-то выбил на него грант, пройдя все круги бумажного ада. Теперь

здесь был приличный тренажерный зал, крытое футбольное поле и даже каток зимой.

Недовольный и насупленный Геннадий подвез Шуру к школе. Тот, впервые увидев Анатолия, внутренне сжался. Физкультурник производил впечатление собранной, сдержанной силы: высокий, с широкими плечами и спокойным, оценивающим взглядом человека, привыкшего работать с телом.

В прохладном кабинете Шура украдкой огляделся. У стены стоял шкаф, за стеклом которого теснились кубки, медали и фотографии — галерея чужих побед. А прямо над учительским столом висела одна-единственная рамка. В ней — фотография сурового мужчины с таким пронзительным взглядом, что по коже пробежали мурашки.

Анатолий хлопнул в ладоши — звук получился звонким и деловым.

— Ну что, — сказал он, и прозвучало легко, почти по-дружески. — Говорят, ты спортом загорелся. Это правда?

— Правда, — кивнул Шура, чувствуя, как у него пересыхает в горле.

— Ты понимаешь, я пока не даю никаких гарантий, — продолжил Толя. Его голос стал тише, но от этого весомее. — Для начала я задам тебе всего один вопрос.

У Шуры заколотилось сердце, глухо и тревожно отдаваясь в висках. Он боялся, что один неверный слог, одна фальшивая нота поставят крест на всем. Исчезнет этот единственный, хоть и призрачный, шанс.

— Самый главный вопрос. — Толя откинулся в кресле, не сводя с парня изучающего взгляда. — Зачем тебе это?

— Что? — растерянно пробормотал Шура.

— Спорт, конечно. — Анатолий постучал костяшками пальцев себе по груди. — Ты же шестнадцать лет без него прожил и, кажется, не страдал. Почему сейчас? Что изменилось?

Вопрос, простой и оглушительный, как удар, загнал Шуру в угол. Он вжался в спинку коляски, словно пытаясь стать меньше. Что ответить? Правда была в том, что он и сам толком не понимал. Перед глазами снова всплывала картинка: жара, раскрытое окно, крики и стук мяча об асфальт во дворе. Но ведь он и раньше это видел. Почему идея насчет спорта впиалась в сознание, будто заноза, именно сейчас? Он путался в собственных мыслях, как в темном лабиринте, натываясь на тупики страха и непонимания. От собственной беспомощности парня начало тихо разъедать раздражение. Время тянулось, а ясности все не было.

— Я... не знаю, — наконец выдохнул он, опуская глаза. Слова прозвучали как поражение.

— Значит, не знаешь?

Шура лишь молча кивнул.

— Если ты не знаешь — я не могу тебе помочь. Сначала обдумай все «за» и «против».

Это был вежливый, но твердый отказ. Шура не расстроился и даже не обиделся. Анатолий был по-своему прав. Но вопрос, огромный и нерешенный, повис в воздухе комнаты, давя своей тишиной: зачем?

* * *

В комнате снова было душно. В луче вечернего солнца кружились пылинки. Шура откинулся в кресле, продолжая мысленный разговор с тренером. Чем спортсмены отличаются от всех остальных? Силой? Выносливостью? Упрямством? Все это казалось далеким и малящим. Он хотел доказать, что он — не просто парень в коляске, а личность. В глубине души копошилась знакомая злость. Ему грезилось, как бросившая его мать однажды увидит его в новостях — сильного, неузнаваемого — и ее накроет волна запоздалого раскаяния.

И тогда, среди этого вихря гнева и обиды, пришло понимание, точное и неоспоримое. Шура хотел найти себя. Настоящего. Он не был гением, не собирался покорять мир умом, как великие ученые в инвалидных колясках. Ему нужно было победить собственное тело. Превратить главную слабость — немощь — в силу. Сделать недостаток оружием.

Шура потребовал у отца устроить новую встречу. Отец взорвался: «Поезд ушел! Хватит унижаться!» Тогда Шура начал тихую войну: перестал разговаривать, делать уроки, есть за общим столом. Он просто запирался в комнате, и его бойкот стал громче и хуже любого крика.

Ирина Митрофановна, преподававшая ему на дому математику, оставила серию сложных задач из сборника для ОГЭ. Шура, поглощенный своей внутренней борьбой, проигнорировал и ее.